
Мария
Высоцкая
Любовь. Измена.
Развод

Предатели

Мария Высоцкая

Любовь. Измена. Развод

«Автор»
2023

Высоцкая М.

Любовь. Измена. Развод / М. Высоцкая — «Автор», 2023 — (Предатели)

Любовница моего мужа беременна. Впереди меня ждет развод. А ведь когда-то, я думала, что у меня была прекрасная, счастливая жизнь. Крепкая семья. Любящий мужчина рядом. Но все рухнуло в одночасье. Я подаю на развод, но проблема в том, что муж хочет сохранить семью, ради чего готов пойти на многое. Например, полностью разрушить мою жизнь.Но именно в это момент, рядом появляется человек, который изменит все…***История девушки, которую предали. История, где любовь оказалась пустышкой, а жизнь разделилась на "до "и "после". История, где каждый получит то, что заслужил.

© Высоцкая М., 2023
© Автор, 2023

Мария Высоцкая
Любовь. Измена. Развод

Глава
1

Света

– Ну ты и тихушница, Светка. Подруга еще. Такая новость, а ты молчишь!

– Ты сейчас о чем? – поворачиваюсь на шепот подруги.

– Ну хватит уже. Я все знаю. Пятый месяц, – прикасается к моему животу. – Колись, кто у вас будет. Мальчик? Девочка? Слушай, даже не видно совсем. Хотя я, когда Марком ходила, тоже долго плоская была.

– Ты там головой не билась? Какие дети? – переминаюсь с ноги на ногу.

Кто меня просил надевать эти туфли? Они новые, Илья подарил. Дорогие. Дизайнерские. Только вот задник каменный и почти в кровь мне уже пятку стер.

– Видела я твоего Антипова вчера утром. Так что хватит шифроваться. Ты же помнишь, где у меня сестра работает?

Помню, конечно. Анжелкина сестра – интерн в гинекологии частной клиники.

– Ты видела там Илью?

– Да, поздороваться, правда, не успела. Он как раз с моей Динкой разговаривал. Но я издалека его приметила. Прости, не удержалась, пришлось немного систер попытать.

– И что она сказала? – спрашиваю на автомате и отхожу в сторону, чтобы присесть. Не могу больше ни ходить, ни стоять.

Весь Анжелкин рассказ звучит, мягко говоря, странно. Мой муж сегодня утром из командировки прилетел. Она не могла его видеть. Тем более в таком месте. Да боже, его и в городе-то не было. Мы неделю с ним двадцать четыре на семь по телефону болтали, пока он не вернулся.

– Что с женой приходил, конечно. Ребеночка ждут, – Анж смеется. – Лови мои поздравления.

– Ты что-то путаешь. Обозналась, наверное.

Анж замолкает на секунду, а потом продолжает:

– Да нет… Я спросила, не Антиповы ли, часом? Динка сказала, что Антиповы, – подруга понижает голос и градус своего веселья в разы. – Ты вчера там не была?

– Нет. Как и Илья. Ну сколько в городе Антиповых, Анж? – журю подругу. Вся эта история меня начинает подбешивать.

– Антиповых-то, может быть, и немало, но только твой по городу на матовом зеленом иксе ездит, Свет.

– Ты сейчас что мне сказать хочешь? – злюсь.

Прекрасно понимаю, куда она клонит, только вот, если ее Рябинин не раз уже налево ходил и особо не скрывает, не все такие!

Слишком многое нас с Ильей связывает. Он бы не стал так глупо рушить нашу семью. К тому же мы изначально договорились – если кто-то из нас решит, что отношения себя изжили, говорит прямо. Если любви больше нет – расходимся.

Бросаю быстрый взгляд на Илью. Он стоит в компании мужчин. Мы часто ходим на различные мероприятия. Мой муж – адвокат. Очень хороший адвокат.

Поймав мой взгляд, Илья салютует бокалом.

Щеки начинают гореть от того, как он на меня смотрит. Мы больше десяти лет вместе, а такое чувство, что конфетно-букетный период до сих пор не закончился.

Шлю ему воздушный поцелуй, а потом возвращаюсь на землю. Анж все еще стоит надо мной.

– Не злись. Я просто… Ладно, обозналась, видимо. Правда. Извини, что взбаламутила.

Подруга сникает, а судя по голосу, еще и обижается на то, что я ей не верю.

– Анж, не дуйся. Ну ты сама подумай, где мой Илья и где левак?

– Слушай, ну, может, правда обозналась…

– Всякое бывает. Ты, главное, при Илюхе такого не ляпни, – смеюсь.

– Кстати, мы на следующих выходных летим кататься на лыжах. Может, вы с нами?

– Было бы здорово. Если Илья сможет вырваться, то, конечно, с вами.

Анж переключается на обсуждение трасс, рассказывает, как безумно хочет в горы, а вот я продолжаю украдкой поглядывать на мужа.

В груди селится какой-то несвойственный моему сердцу холодок.

Мой муж и беременная женщина? Насколько это возможно?

Он мог меня обмануть? Командировка могла быть предлогом уехать из дома?

Боже, ну вот о чем я думаю?

Детектив какой-то.

По рассказам Анж выходит, что Илья мне изменяет. Не так даже – у Ильи ребенок от другой женщины! Абсурд.

Еще и матовый зеленый икс…

У Ильи достаточно приметная машина для нашего города. Вероятно, Анжелка себя накрутила, впечатлилась и приукрасила реальность для убедительности, она это любит. А может, это я сейчас начинаю сочинять оправдания своему мужу?

Мы шесть лет в браке. Я его как себя знаю. Анж просто померещилось. К тому же в нашей семье нет никаких проблем. А те, что были, мы уже давно решили.

– Ты чего тут прячешься?

Голос мужа становится неожиданностью. Запрокидываю голову и сразу получаю поцелуй в лоб.

Илья присаживается рядом. Его пальцы касаются моего плеча, чуть сжимают.

Тяну носом его запах и качаю головой.

– Туфли. Все ноги стерла.

Муж аккуратно отрывает мою босую ступню от пола, гладит щиколотку, чуть ниже. Мурашки ползут от его прикосновений. Тихонечко млею.

– Поехали домой тогда, Светуль, – поднимается и мягко подхватывает меня на руки.

– А туфли?

– Пусть тут валяются. Нормальные купим, – целует меня в губы, и я довольно обнимаю его за шею.

Льну к груди, а у самой сердце бьется быстро-быстро.

Ну разве Анжелкин рассказ после всего может быть правдой? Смешно.

Илья усаживает меня на заднее сиденье машины и забирается в салон следом. Сегодня он немного выпил, поэтому мы на такси.

Всю дорогу до дома я жмусь к мужу. Обнимаю его, целую. Он отвечает мне взаимностью, чувствую, что, как и я, горит. Возбуждается. Дает волю рукам, которые проскальзывают под подол моего платья.

– Илья, – бормочу, пока он покрывает поцелуями мою шею. Чувствую себя немного неуютно. – Мы не одни, – мягко отталкиваю мужа.

– Свет, – прикусывает мочку моего уха, – расслабься.

– Илюш…

Муж издает хриплый стон, но больше не напирает. Заключает меня в объятия и целует в макушку.

На улице прекрасная летняя ночь. Илья открывает ворота с брелка, и такси заезжает на территорию нашего жилого корпуса.

Мы выходим из машины, не прекращая обниматься. В квартиру муж заносит меня на руках и уже в прихожей снимает с меня платье.

Прекрасный, правда, слегка омраченный Анжелкиными фантазиями вечер превращается в страстную ночь.

Мы любим друг друга на пределе возможностей. С такими громкими криками, что кто-то из соседей начинает стучать по батарее.

– Они точно вызовут полицию, – смеюсь, прижимаясь губами мужу между лопаток.

Мы сидим на краю кровати. Илья упирается локтями в колени. Его ступни на полу. Я обвиваю его ногами за пояс, пристроившись сзади, прижимаясь грудью к его спине.

– Пусть только попробуют. В душ?

– Иди первый, – отталкиваюсь от него и падаю на кровать.

– Пошли вместе.

– Мне нужно отдышаться, – перебираю пальцами свои волосы.

Мне и правда нужна передышка от его напора. Сердце сейчас выскочит.

Илья неохотно поднимается на ноги.

– Я быстро, и повторим, – подмигивает, выходя из спальни.

Зажмуриваюсь и широко улыбаюсь.

Боже, как же я его люблю!

Где-то в глубине комнаты пиликает мобильный. Не мой точно. Ильи.

Еще вчера я бы и внимания не обратила на этот звук. Подумаешь, сообщение ночью. У Ильи работа такая. Клиенты круглые сутки могут названивать и написывать, но сегодня…

Под воздействием Анжелкиных слов я выбираюсь из кровати и поднимаю с пола пиджак. Сую руку в карман и вытаскиваю телефон.

Пароль у Ильи стоит. Графический. Но я его знаю.

Вырисовываю пальцами пирамиду, соединяя точки, и мгновенно попадаю на главный экран.

Заношу палец над иконкой с сообщениями.

Зачем я это делаю? Никогда не читала чужие сообщения и не лазила по карманам. Но все решает очередное оповещение. Еще одно сообщение. Номер не подписан, просто цифры, зато содержание…

« Любимый, ты когда вернёшься? Мы с малышкой уже по тебе скучаем. Мне кажется, она уже пинается».

Виски пульсируют. Перечитываю три несчастные строчки снова и снова, пока не слышу голос мужа за своей спиной.

– Свет?

Вздрагиваю. Зажмуриваюсь и щелкаю боковую кнопку, блокируя телефон.

–Да? – кусаю губы и прячу смартфон за спину.

Илья кидает полотенце на кровать, а потом садится на нее сам.

– У нас что-то случилось? – хмурится. Рассматривает меня.

Мотаю головой. Хватаю ртом воздух и делаю шаг назад. А что, если просто ошиблись номером? Не могу поверить во все это. Просто не могу. Быть такого не может.

– Тебе сообщение пришло…

– А где телефон? – оглядывается, а потом наши взгляды пересекаются.

Глаза в глаза.

– Свет? – чуть давит голосом. – Что у тебя там? Ты рылась в моем телефоне, малышка?

– Ты правда был в командировке эту неделю?

Илья приподнимет брови. Выглядит абсолютно спокойным.

– А где мне еще быть? – спрашивает вкрадчиво, но смотрит при этом на мою руку, ту, что я прячу за спиной. – Отдай телефон, Светик.

– Анж видела тебя вчера в клинике. У нее там сестра работает.

– У нее богатое воображение.

– Твоя любовница беременна, Илья. Она написала тебе, что малыш уже толкается, – показываю ему телефон.

Илья упирается кулаком в матрац. Я замечаю прилив раздражение на его лице, но он быстро берет себя в руки. Улыбается.

– Давай поговорим спокойно.

Муж смотрит мне в глаза, а у меня земля из-под ног уходит.

Значит, это правда?

Глава

2

– Давай его сюда, – забирает у меня телефон и бросает его на кровать. – Свет, —протягивает мне руку, и я нерешительно вкладываю свои пальцы ему в ладонь.

Это происходит по привычке. Я ему доверяла очень много лет. Он был для меня всем. Мы любили друг друга, в конце концов. Как он мог? Зачем он это сделал?

– Ответь, это правда, Илья?

– Правда.

– Мы же договаривались, – говорю полушепотом, – помнишь? Если нашим отношениям все, то мы говорим об этом прямо. Без грязи и предательства. Илья… Без измен. Ты понимаешь, что ты наделал? Я же любила тебя. Я думала, что у нас…

– Я все прекрасно помню, Света. Мне было двадцать лет, со временем многое меняется. Прости, так получилось. Но это не значит, что я не люблю тебя, понимаешь?

– Не понимаю, – пытаюсь высвободить руку, но Илья только крепче ее сжимает. Каждая моя попытка оборачивается тем, что я оказываюсь ближе к нему.

– Разве нам плохо вместе?

Илья поднимается. Вырастает надо мной каменной глыбой. Заглядывает в глаза, переплетает наши пальцы.

Мы стоим друг перед другом голые. В такой патовой ситуации на мне нет одежды, и это лишь усугубляет положение. Я полностью беззащитна и обнажена перед ним, душой и телом.

– Родная, это ничего не значит. Ее беременность. Как только она родит, я сделаю все, чтобы этой женщины в нашей жизни больше никогда не было.

Он гладит мое предплечье и не отводит глаза. Наш визуальный контакт продолжается.

– Что? Ты себя слышишь? У тебя будет ребенок от другой женщины, – дергаюсь, но муж не позволяет и с места сдвинуться.

– Это будет наш ребенок. Твой и мой. Как ты и хотела.

Мир начинает вращаться вокруг меня с какой-то невероятной скоростью.

– Это получилось не специально, но ты же сама хотела ребенка из детдома. Чужого. А здесь он будет хотя бы мой. В нем будет моя кровь. Свет…

– То есть это все для меня, да? Для бесплодной жены?

Удавиться хочется. Мне тошно. А Илья продолжает говорить спокойно, со своей вышколенной выдержкой. Внушать, что все, что он сделал, – правильно.

– Эта жертва ради семьи. Только ради семьи. Мы станем родителями. Как ты и хотела.

Я слушаю его и начинаю сходить с ума. Голова кругом от его слов и доводов, их так много, как и тогда, когда мне поставили диагноз и он убеждал меня в том, что нам хорошо вдвоем. Без детей.

А теперь?

Это какой-то абсурд.

Присаживаюсь на край кровати, Илья тут же обхватывает мои ноги, устроившись передо мной на коленях.

Целует бедра. А я даже пошевелиться не могу. Шок парализовал тело. Просто смотрю в одну точку и ничего уже не понимаю.

Мой муж – псих?

Может быть, сделать вид, что он ничего мне не говорил? Что я вообще ничего не знаю? Спрятаться или сбежать?

Подтягиваю простыню, закручивая ее на груди. Зажмуриваюсь.

– Нам нужно развестись, – сама не верю в то, что говорю.

– Свет, – Илья чуть повышает голос, – не дури, – впивается пальцами мне в кожу. Не больно, но неприятно.

– Я не хочу воспитывать чужого ребенка. Я не хочу прощать измену.

– Никакой измены не было. Я люблю только одну женщину, и это ты.

– Ты спал с другой.

– Это ничего не значит. Поверь, она для меня пустое место.

– А я? Кто для тебя я? Ты ложился со мной в одну постель после нее. Тащил в дом всю эту грязь. Ты допустил ее беременность. Ты разрушил нашу семью. Ты убил наши отношения. Ты вытер ноги нашей любовью! – не замечаю, что кричу.

Ору на него и плачу. Трясусь как лист на осеннем ветру.

Перед глазами кинопленка нашей с ним жизни. Первая встреча, поцелуй, свидание, свадьба. Ссоры, праздники. Счастье. Любовь. Все-все. А потом темнота.

Я и сейчас в ней. Плотная, непроглядная тьма окутала каждый закуток души. Мне одиноко, больно, страшно.

Сердце кровоточит, а воздуха не хватает. Я задыхаюсь. Сгибаюсь пополам и рыдаю так громко, что кто-то из соседей снова начинает барабанить по батарее.

Зажимаю рот ладонью, отползаю от Антипова подальше. Забиваюсь у изголовья кровати, укутываюсь в одеяло и реву.

Илья смотрит на все это не моргнув глазом. Злится, но молчит.

Просто забирает свою подушку и выходит из комнаты.

Оставляет меня один на один с этой болью. Со своим предательством.

С мыслями о том, что я ведь и правда смирилась. Свыклась с тем, что никогда не стану мамой. С тем, что мне нельзя делать ЭКО, с тем, что мой муж никогда не согласится взять малыша из приюта. С тем, что он против суррогатного материнства. С тем, что он в принципе рад жить без детей.

Я смирилась. А потом осознала, что и сама ничего из этого не хочу. Выбрала любовь. Она у нас была. Сумасшедшая. Настоящая. Нам и правда было очень хорошо вдвоем.

Илья старше меня на три года. Мы начали встречаться, когда мне было семнадцать. Он пережил со мной ту аварию, после которой у меня начались проблемы с почками. Пережил тот страшный диагноз.

Он всегда был рядом. Всегда на моей стороне.

Да он практически заново жить меня научил. А теперь у него будет ребенок от другой женщины…

Как мы до этого докатились?

Почему нельзя было просто уйти? Без грязи? Без всего, что происходит сейчас?

Какая это любовь, если человек намеренно причиняет тебе боль, снова и снова. Словами, поступками…

Он убивает меня.

Я не хочу умирать рядом с ним. Не хочу всю жизнь ненавидеть его за то, что он сделал.

Мы просто не можем больше быть вместе.

Сползаю с кровати и тянусь к своему телефону. Ввожу в поисковик запрос: «Процедура развода».

Читаю все попадающиеся на глаза статьи и чужие истории, пока не наступает утро. Пока не слышу, как хлопает входная дверь.

Муж ушел на работу.

А теперь и мне пора уйти из его жизни….

Глава 3

Наспех принимаю душ, хоть и дается это непросто. Любые передвижения сейчас причиняют дискомфорт – я истощена морально.

Долго смотрю на себя в зеркало. Все то же лицо. Красивое, ухоженное. Только глаза не мои. Грустные и потерянные.

Я же мысли никогда не допускала, что он вот так может со мной поступить. Сначала, когда только мне диагноз поставили, конечно, говорила Илье про развод, но он даже слышать об этом не хотел. Уверял, что любит именно меня, а не потенциальную возможность заделать мне ребенка.

На время я успокоилась. Все происходящее казалось логичным. Потом родила Анжелка, через полгода Лиза – еще одна моя подруга. Все пребывали на пике радости материнства, а я лишь могла наблюдать за этим со стороны.

Инфлюэнсеры, которых я читала, все, как один, советовали в такой ситуации переключиться на работу. Стать успешной и независимой.

Последние три года я именно этим и занималась.

Уволилась с не особо любимой на тот момент работы в ателье и загорелась идей сделать свой собственный бренд одежды. Образование и навыки позволяли.

Когда я заходила в этот бизнес, еще была возможность быть замеченной. Можно сказать, что я запрыгнула в последний вагон. Звезды сошлись как надо, потому что сейчас повторить этот успех новичку будет в разы сложнее из-за выросшей почти в сотни раз конкуренции.

Первые модели одежды отшивались мной лично. В штате были конструктор и я. Два человека. Все, что у меня было, это помещение на пятнадцать квадратов, разделенное на две части. В одной расположилась мастерская, в другой – примерочная для покупателей.

Именно Илья посоветовал мне нанять швею себе в помощь и вплотную заняться продвижением бренда. Я развивала социальные сети, обучалась маркетингу, ночами делала эскизы, а утром искала моделей, чтобы отснять отшитую коллекцию. Работала сутками.

Так, за три года, мы стали качественным и довольно известным брендом, с большим собственным производством и десятком магазинов.

Только вот боль это не заглушило. Успех не вскружил голову, а сделал меня уверенней. Я работала. Много. Без отдыха, чтобы не думать ни о чем, кроме создания очередного сезонного дропа.

Илья поддерживал и всегда был рядом. Мы перестали говорить о детях. Перестали даже думать об этом. А ведь в самом начале я была серьезно настроена найти суррогатную мать или взять ребенка из детского дома. Антипов был против, его наша жизнь устраивала и такой. Ну а я… Я, наверное, слишком сильно его любила и со временем начала разделять его позицию. Полностью.

Он рос как адвокат, его клиенты становились богаче, влиятельнее. Его имя стало довольно популярным в нашем городе.

Мы много путешествовали, объездили почти весь земной шарик. Любили друг друга страстно и горячо, в самых непредсказуемых и экстремальных местах.

Мы жили друг другом. Надышаться не могли.

Со стороны, боже, да все вокруг только и твердили, как мы красивы, молоды, свободны и успешны.

Но что было внутри? Молчание. Обиды? Боль…

До сегодняшней ночи я даже представить не могла, что у него может быть любовница. Какая она? Моложе? Хотя я и сама молода. Мне двадцать восемь. У меня отличная фигура, хорошая кожа. Я красивая. У меня есть характер, есть свои деньги. Я не завишу от мужа, не заглядываю ему в рот. У нас равные отношения. Мы опора и поддержка друг для друга – всегда так было. Ну либо мне просто казалось.

Вытаскиваю из шкафчика в ванной свою дорожную косметичку и сгребаю в нее все уходовые средства, что стоят на полке. Что-то не попадает в цель и звонко бьется о плитку. Игнорирую и застегиваю молнию.

В спальне начисто потрошу шкафы, раскладываю вещи по чемоданам. Осматриваюсь на предмет – что могла забыть.

Вроде все необходимое собрала.

Еще час трачу на то, чтобы выпить кофе, привести себя в порядок. Слишком много я плакала этой ночью. Под глазами мешки, да и в целом лицо какое-то серое. Бесцветное.

Пока допиваю моккачино, звоню своей помощнице и предупреждаю, что в офис сегодня не приеду.

Мне нужно снять номер в отеле, отвезти туда вещи и еще подать заявление на развод.

У меня нет времени плакать. Нет времени жалеть себя.

Надеваю джинсы, топ, пиджак, в карман которого кладу телефон. В прихожей с огромной болью на сердце оглядываюсь. Неужели это конец? Поверить страшно. Вдруг сон?

Та нежная, уязвимая часть меня готова душу продать, лишь бы все это было неправдой. Она жалобно скулит и просит остаться. Подумать.

Наверное, поэтому и медлю. Борюсь сама с собой. Каждый последующий шаг дается с трудом. Обхватываю дверную ручку, открываю защелку, толкаю дверь, но она не поддается.

Пробую снова, но все впустую. А потом понимаю, Антипов закрыл дверь на второй замок. Обыскиваю все шкафы и полки в поисках ключа, но его нет. Мы вообще на эту личину никогда дверь не закрывали.

Как назло, еще кто-то названивать начинает. Вытаскиваю смартфон. Сглатываю.

Муж.

Подношу телефон к уху.

– Ты еще дома? – интересуется будничным тоном, так, словно ночного разговора не было.

– Где ключи?

– Я подумал, что тебе сегодня лучше побыть дома. Отдохнуть, Свет. Ты нервная и можешь натворить глупостей.

– Ты больной! Выпустим меня отсюда!

– И в горе, и в радости, любимая. Я не хочу, чтобы ты совершила ошибку. Выпей чаю, поспи, я вернусь вечером, и мы снова все обсудим.

– Ты сошел с ума? Ты удерживаешь меня насильно.

– Я случайно забрал обе пары ключей. Такое бывает. Не нервничай.

– Ты ненормальный.

– Нет, Свет, я просто тебя люблю и ни за что не потеряю.

– Ты уже меня потерял! – кричу в трубку.

– Это мы еще посмотрим.

Глава

4

– Ненавижу. Как же я тебя ненавижу! – бормочу, сползая по стене к полу.

Я жила с чудовищем. Как он мог опуститься до такого?

После всего, что у нас было…

Это же какое-то моральное унижение. Чего он этим добивается? Думает, что я сейчас здесь посижу одна, успокоюсь, а когда он вернется, на шею к нему брошусь и в любви поклянусь?

Единственное, с чем я сейчас хочу на него кинуться, так это с ножом, чтобы отрезать все причиндалы.

Можно вызвать слесаря, это займет минут десять, но вместо этого, я почему-то отталкиваюсь от пола и поднимаюсь на ноги. Слегка пошатывает, но до лоджии добираюсь.

Заглядываю вниз через перила. Седьмой этаж. Не спрыгнешь.

Может быть, покричать? Кто-нибудь меня услышит и придет спасать принцессу из башни.

Можно орать «пожар», например. Так точно найдутся неравнодушные. А я поплачу у кого-нибудь на плече и расскажу, какая сволочь мой муж.

Хохочу сама с себя. Нервы на пределе.

В детстве, да и когда я выросла, мама всегда говорила мне, что сор из избы выносить нельзя. Что все наши с мужем проблемы должны оставаться за закрытыми дверьми. И не важно, какой ад у вас творится. Главное – молчать, ведь ссоры можно пережить, а вот общественное порицание останется с тобой навечно.

Ее главное наставление перед нашей свадьбой звучало так: «Будь хорошей, покладистой женой, Светочка. Илья у тебя далеко пойдет, ты за него держись. Будь ему поддержкой и опорой».

В мой праздник она желала мне быть придатком своего супруга, не больше.

Может быть, поэтому у меня никогда и не было с ней близких отношений? Сколько себя помню, никогда не делилась с ней никакими секретами.

Даже после аварии так и не смогла сказать, что детей у меня быть не может. Мне тогда казалось, что я для нее сразу стану какой-то недоженщиной…

Даже интересно, что бы она сейчас делала, окажись в моей ситуации?

Хотя, думаю, простила бы. Притворилась, что ничего не произошло, потому что семья важнее. Семья дороже всего.

Только кому нужна вот такая семья, что была у меня? Муж – кобель, а жена – то есть я, полная дура, если не замечала его похождений.

Захлопываю окно и возвращаюсь в квартиру.

Сажусь на диван. Нужно позвонить, нужно высвободить себя из клетки, но так сильно болит голова, думать больно. Каждое телодвижение – удар молотка по затылку.

Прикрываю глаза, когда понимаю что плачу. Я столько слез уже выплакала. За что он так со мной?

Неужели я не заслужила хотя бы каплю уважения?

Это дико, но сейчас мне кажется, что я жила с кем-то другим. Видела перед собой кого-то другого. Образ, свои фантазии, не знаю. Но мой муж и человек, который находился со мной в этом доме этой ночью, – разные люди.

Подтягиваю колени к груди. Глаза снова печет. Опять плачу. Вроде и не хочу, недостоин он, но все равно реву.

Больно. Слишком больно и противно. Меня на куски разрывает, сдохнуть хочется.

Как мне теперь жить? В груди все ноет. Слишком большая рана. Он мне дырку в сердце сделал. Навылет.

Я же, кроме как с ним, ни с кем и никогда. Всегда только Илья. Мне было семнадцать, когда мы встречаться начали. Я школу закончила, в универ поступила, мы тогда еще в области жили. Он ко мне сюда каждые выходные приезжал, а как закончил техникум, снял здесь квартиру, перевез меня из общаги.

Я училась на дизайнера, он тогда в полиции работал и параллельно вышку заканчивал. Мы с ним дипломы в один год получили, а потом умотали на неделю в Питер смотреть на белые ночи.

Как сейчас все это помню. И квартиру нашу съемную. Маленькую, крохотную совсем и вечную нехватку денег. Но при всем этом мы жить друг без друга не могли. Часов в сутках не хватало, чтобы вместе быть. Всегда мало. На телефоне двадцать четыре на семь. То эсэмэски, то звонки. Ночью – страсть, днем – нежность.

А теперь? Теперь у него будет ребенок от другой женщины.

Теперь мы живем в огромной квартире и не нуждаемся в деньгах. Теперь он считает, что изменять жене – это нормально.

Телефон разрывается от звонков, но я всех игнорирую. Выключаю звук. Не хочу никого слышать. Не хочу врать о том, как у меня все хорошо, и правду говорить тоже не собираюсь.

Понимание, что дверь закрыта на замок, от которого у меня нет ключа, – душит. Стены и потолки давят. Дышать трудно. Сердце ускорилось, а в ушах шумит.

Квартира, в которую я душу вложила, теперь ненавистна. А что, если он ее сюда приводил? Любовницу свою?

Что, если она была тут? Ходила по комнатам, трогала мои вещи…

Эта мысль как сорняк. Отмахиваюсь от нее, пытаюсь с корнями выдрать, но она лезет на поверхность снова.

Сталкиваю со стеклянного столика, стоящего у дивана, вазу. Она падает на пол, но не разбивается, а мне так хочется, чтобы весь этот дом превратился в щепки.

Резко выпрямляюсь и толкаю торшер, за ним с полок летят книги. Аудиосистема, плазма, стулья, тарелки, зеркала, крушу все, до чего дотягивается взгляд и руки.

Адреналин зашкаливает. В спальне летают перья из разодранной в клочья подушки, а я лежу на кровати, раскинув руки-ноги в стороны, и улыбаюсь.

Грудь ходуном ходит от рвущегося изнутри смеха.

Не знаю, сколько я так лежу, но в какой-то момент слышу, как в двери проворачивается ключ и, как Илья заходит в квартиру.

Боже, я не успела сбежать. Хотела же вызвать слесаря, хотела же исчезнуть…

Отрываю голову от кровати, но вставать не спешу. Сдуваю перышко с ладони и со смешком заваливаюсь обратно.

Звук шагов становится ближе. Судя по хрусту стекла, Илья не снимал ботинок.

– Ты принес мне ключи? – подаю голос, потому что чувствую, он уже в комнате.

– Нет, – высекает холодно. – Что произошло? Ваза с полки упала?

– Ага, – сажусь, упираясь ладонями в матрас позади себя. – Жаль, что не на твою голову, – выдавливаю улыбку, но губы дрожат.

Стоило на него посмотреть, и запал железной леди себя тут же изжил.

– Ты будешь держать меня здесь вечно? – смотрю ему в глаза, а сердце екает. Предательски сжимается и вот-вот из груди выпрыгнет.

Оно же перед собой видит любимое лицо. Красивое, с небольшой мимической морщиной между бровей. Губы эти, руки – сильные, надежные. Плечи широкие.

Я голос его слышу и умираю. Он же прежний. Ласковый. Родной.

Как внушить сердцу, что этот человек нам теперь чужой? Как?

Илья садится на кровать рядом со мной. Касается руки. Гладит мои пальцы, чуть выше. Кожа мурашками сразу покрывается.

Закрываю глаза, до боли прикусывая внутреннюю сторону щеки.

Я сильная. Я справлюсь. Выживу. Выплыву. Обязательно!

Дергаюсь, чтобы высвободить руку. В глаза его предательские намеренно больше не смотрю.

– Я все равно уйду.

– Свет, родная, это было ошибкой. – Илья опускает голову на мои колени, целует, стискивает ладонями. – Прости, слышишь? Я не знаю, как так вышло. Был пьян, после тенниса с мужиками зашли в бар. Ты тогда в Питер коллекцию возила. Прости, слышишь? Что мне сделать? Я для тебя все что хочешь сделаю. Ты же… Мы же с тобой всегда вместе. Помнишь? Мой Свет, – Илья резко выпрямляется и обхватывает мое лицо.

Не успеваю сориентироваться, а он уже целует мои губы, щеки, шею. Резко толкает на кровать, подминая меня под себя.

Внутри настоящая агония. Все его прикосновения остались прежними. Жадными и родными. Но реальность изменилась. Нас в ней больше нет.

Включаюсь, когда Илья задирает мою рубашку, оголяя живот.

Впиваюсь ногтями ему в лицо, оставляя на щеке три кровящих полосы.

Антипов матерится и тут же отстраняется.

– Не смей меня больше трогать. Никогда.

Сползаю с кровати и, гордо выпрямив спину, иду в прихожую. Илья кидается следом.

Хватает за руку, снова тянет на себя, а потом впечатывает в стену. Напирает. Лишает путей отхода. Смотрит на меня сверху вниз.

Я чувствую запах крови. Кажется, я расцарапала его рожу гораздо сильнее, чем мне показалась сначала.

– Я же сказал, что не отпущу! – шипит мне в губы. – Поговори со мной! – встряхивает меня как куклу. – Скажи, что мы можем это решить. Можем это пережить, потому что иначе я без тебя сдохну. Слышишь?

– Раньше надо было думать.

– Молчи, – затыкает мой рот рукой. – Молчи. Светка, ты же для меня все. Все это только для тебя, – оглядывает квартиру. – Мое сердце – твое сердце, помнишь?

Помню!

Наша клятва. Ночь, море, переплетенные пальцы и эти слова.

Мое сердце – твое сердце.

Только теперь, нет у меня никакого сердца. Он его безжалостно выдрал из моей груди.

– Любовницу ты тоже ради меня завел? – давлюсь смешком.

– Я же мог тебе соврать, – прижимается к моему лбу своим. – Но я с тобой честен. Да, так вышло. Да, я козел. Ты думаешь я не знаю? Мне жить тошно с понимание того, что я натворил, Света.

Глава 5

– Мне тебя теперь в лобик поцеловать? Бедный мальчик, такая травма. На всю жизнь, да? – смотрю ему в глаза и, честно, не жалею, что не сбежала.

Я хочу поставить точку здесь и сейчас. Дать ему раз и навсегда понять – что нас больше нет. И, кажется, никогда не было.

Илья кладет ладонь мне на шею. Обхватывает.

От него пахнет мятной жвачкой и табачным «Томом Фордом». Мой подарок на День всех влюбленных.

– Я уже сказала, что подам на развод, – перехожу на шепот, – и решение свое не изменю, Илья. Никогда.

Антипов дергает меня к себе. Я влетаю ему в грудь. Но мое тело настолько ватное сейчас, что никакого дискомфорта я не чувствую. Просто поддаюсь на его манипуляции и запрокидываю голову.

Илья нависает надо мной коршуном. В глазах огонь. Он-то нас и сжигает дотла. Скоро подует ветер, и от пепла не останется и следа. Ровно так же, как от наших некогда отношений. От нашей семьи…

– Она ничего для меня не значит. Я просто ей помогаю. Деньгами.

– Все, хватит.

– Я не знал, как тебе сказать. Как?

– Как и обещал когда-то: честно и прямо, Илья.

– Это была одна ночь. Помутнение. Один раз.

– А потом еще один и еще.

Антипов раздражается. Отшатывается в сторону, и со всей силы бьет кулаком по стене.

Замираю. Даже дышать страшно становится. Мы никогда не скандалили, чтобы вот так… Мне страшно. Пошевелиться не могу.

Илья снова матерится, снова трогает мои плечи. Снова просит прощения.

– Никого кроме тебя и… того случая. Она пришла два месяца назад. Понятия не имею, как меня нашла, притащила этот тест, сказала, что, если я не обеспечу будущее ей и ребенку, она все расскажет тебе. Я растерялся, – Илья ухмыляется и отводит взгляд, – первый раз в жизни. Мне стало так страшно, что тебя потеряю, Света. Так страшно.

Его слова как острые иглы. Он загоняет мне их в сердце. Одну за одной. Каждым звуком, каждой буквой.

У меня сил нет на ногах держаться, колени подкашиваются. Медленно сползаю к полу. Илья со мной. Встаёт на колени. Вытирает мои слезы.

– Ночью я… Не знаю, что на меня нашло. Вел себя с тобой как… Я просто очень боюсь тебя потерять и сделаю все что угодно, чтобы ты осталась. Я без тебя не выживу. Я не знаю, как это, Света, жить без тебя.

Всхлипываю. Слезы душат. За что он так со мной? Почему?

Зачем все это говорит? Больно ему? А мне? Мне не больно?

– Я был на кураже. Мне казалось, что я должен сказать хоть что-то…

– Ты предложил мне воспитывать чужого ребенка, Илья. Ребенка какой-то непонятной девки, с которой ты провел ночь. Ты болен, – заглядываю ему в глаза.

– Света, дай мне шанс. Давай забудем, давай попробуем, я клянусь тебе…

Пробирает на смех. Я и смеюсь. Хохочу на всю квартиру.

Клянется он. Снова.

– Я хочу уйти. Видеть тебя не могу. Слышать не хочу.

– Хорошо, – вновь обхватывает мои щеки ладонями.

Противно. Каждое его прикосновение как ожог от кислоты. Яд уже проникает под кожу и медленно распространяется по крови.

– Хорошо. Я отвезу тебя. Куда?

– Я справлюсь сама. Больше мне ничего от тебя не надо.

– Хорошо. Тебе нужно подумать, остыть. Я понимаю, что тебе нужно время, родная.

Отлепляю от себя его руки и поднимаюсь. Выпрямляю спину, а на плечи потолок давит. Квартира с присутствием Ильи будто меньше стала.

Вытаскиваю из сумки ключи и кладу их на полку. Антипов наблюдает за всем этим молча. Больше не останавливает. Не уговаривает.

Правильно. Так мне легче.

Надеваю кожаный пиджак и обхватываю пальцами ручку чемодана.

За дверь выхожу не оглядываясь. Делаю шаг в новую жизнь, только вот в спину все равно летят слова из прошлого:

– Это не конец, Свет.

Прикрываю глаза и вызываю лифт.

Это конец. Я все решила.

На улице снова чувствую слабость. До машины метров пять, но расстояние кажется непреодолимым. Опираюсь на ручки чемодана. Дышу.

Сейчас. Нужно перевести дух. Смотрю на свои пальцы, а они дрожат. Только теперь понимаю, что меня всю колотит.

Раньше, когда мне было плохо, я всегда знала, что Илья поддержит. Что он найдет выход из любой ситуации, что он просто будет рядом. Обнимать, согревать своим телом и дарить уверенность в завтрашнем дне.

После аварии он был моим солнцем. Сутками со мной сидел. Даже отпуск взял, чтобы я не торчала дома одна и не мучала себя мыслями о том, что со мной произошло.

Раньше, когда мне было плохо, первым, кому я звонила, был муж. Муж, который был готов горы ради нас свернуть.

А теперь я знаю, что, пока я делала показ в Питере, он в это время зажигал в отеле с какой-то девицей и до ужаса боюсь подумать, сколько ночей он с ней провел, когда улетал в «командировки».

Он ее обеспечивает. Между ними теперь даже больше общего, чем было между нами. Их связывает ребенок. Всегда будет связывать. Они станут родителями. Илья станет отцом, которым быть не хотел, по крайне мере, всегда меня в этом убеждал.

Как больно то. Как я это переживу? А что если увижу их счастливых, втроем? Где-нибудь случайно столкнусь. Я же с ума сойду. Сразу.

Может, плюнуть на все и вернуться? Вдруг это и правда была ошибка? Случайность…

Он же говорил искренне. Я это по глазам видела.

Боже, что я несу? Куда возвращаться? Куда?

Тру лицо и, собрав волю в кулак, собираюсь до своего «Ренджа». С трудом укладываю чемодан в багажник, потому что сил его поднять практически нет.

Сажусь за руль и откидываюсь на подголовник. Крыша у меня панорамная, поэтому я прекрасно вижу силуэт Ильи. Он стоит на балконе. Судя по горящей оранжевой точке – курит. А бросал же.

Нужно ехать.

Гостиницу выбираю в центре. Снимаю номер сразу на неделю. Надеюсь, за это время найду себе квартиру.

Несмотря на то, что деньги у нас есть, имущества как такового немного. Квартира, дача, на которой живет моя мать, машины. Свою я купила за свои личные деньги. Остальное, конечно, Илья.

Со стороны он самый обычный, никогда не выделяется. Частная практика. Три помощника в штате и офис в центре. Вроде чуть лучше других, чуть успешнее. Да, его весь город знает, у него много громких дел и не только здесь, но он этим никогда не кичился.

Скромный, но при этом хваткий. Семейный. А у самого бешеные связи и миллионы на счетах. Несколько бизнесов, оформленных на родственников, сеть автомоек, отель за городом в зоне заповедника, куча продовольственных точек по области.

Все это свалилось на него четыре года назад, после того как в городе появился Снегур. Местный "царек", перебравшийся поближе к Волге из Москвы, ему половина города принадлежит, а вторая в рот заглядывает. Я его ни разу не видела, но Илья – его личный юрист, на очень хорошем счету. Поэтому, конечно, первоначальный капитал на бренд мне дал именно

муж. На не особо большую зарплату, что у меня была в ателье, я бы на тот момент ничего не потянула.

В свои дела Илья меня особо не посвящал. Да я и сама не спрашивала. Сначала была одержима тем, что не могу смириться со своим диагнозом и хочу завести ребенка. Потом всю душу вкладывала в собственное дело.

Дома мы оба предпочитали отдыхать. И лишний раз не говорить о работе.

Теперь думаю, что зря…

Если он решит со мной воевать, размажет одним щелчком пальцев.

Завожу мотор и медленно выезжаю с территории ЖК.

В отель заселяюсь еле живой. Этот день вымотал меня по максимуму.

Принимаю душ и забираюсь под одеяло. Плачу. Вою в подушку, поджимая колени к груди. Такая огромная рана на сердце, оно кровоточит. Я опустошена, раздавлена его предательством. Я не знаю, как взять себя в руки. Слезы душат.

Закрываю глаза с мыслью, что завтра будет новый день. Завтра обязательно все будет хорошо. Я уверена.

Только вот, когда наступает утро, никакой радости я не чувствую. Сплошное уныние.

Серо и пресно.

Завтрак не лезет. Отражение в зеркале не радует.

На телефон приходит оповещение поздравить свекровь с днем рождения, а следом за ним поступает звонок от Ильи. Сбрасываю, хотя первой мыслью в голове пролетает ответить. Просто так, по привычке. Кажется, я и правда еще не осознаю до конца, что между нами все.

Главное не сдаваться. Главное выстоять!

Глава 6

На работу приезжаю в обед. Буквально сутки назад я горела желанием сделать мудборд и потихоньку двигаться к наметкам новой коллекции. В итоге второй час сижу за столом в своем кабинете и смотрю в одну точку, постукивая карандашом по крышке ноутбука. Я его до сих пор так и не открыла.

– Лан, – Лиза заглядывает ко мне в кабинет уже в третий раз.

Первые два я смогла отделаться от нее тем, что сильно занята, но сейчас у меня просто не осталось слов, чтобы оправдывать свое состояние.

– Можно? – переступает порог и прикрывает за собой дверь. Садится напротив меня. – Что с тобой?

Мы с Лизой дружим с универа. Второй год вместе работаем. Лиза настоящий спец, у нас прекрасно получается разделять работу и личные отношения.

– Светуль? – обхватывает мою руку, в которой я держу карандаш.

Смотрю на Лизкины пальцы, а перед глазами все плывет. Я плачу.

– Светка, ты чего? Моя девочка, что произошло?

Всхлипываю. Тону в эмоциях. Как сказать? Меня муж предал? Я его на измене поймала? Стыдно.

Впервые чувствую на себе отпечаток маминого воспитания. Это же ненормально – стыдиться того, что тебя предали. Но сор же из избы не выносят…

– Так, я сейчас заварю крепкий чай. – Лиза начинает суетиться, выбегает из кабинета, а минуты через три возвращается с кружкой душистого травяного чая. – Попей.

– Не хочу.

Губы дрожат. Говорить сложно. Закрываю глаза и выпаливаю одно слово:

– Изменил.

– Изменил? Илья? Боже! Как ты узнала?

Зачем она спрашивает? Зачем душу мне бередит? Мне и так больно. Не хочу вспоминать, не хочу все это вслух произносить. Потому что, пока никто не знает, можно воображать, что этого не было. Ничего из того, что произошло за эти дни, не было.

Как назло, оживает телефон.

Илья.

Он не перестает названивать с самого утра. Дотошно. Каждые полчаса. Его не волнует, что я не отвечаю, не волнует, что говорить с ним не хочу.

– Дай-ка телефон, – Лизка тянется к моему мобильнику, а я не сопротивляюсь.

Пускай.

– Ты чего сюда названиваешь, придурок? К подстилке своей вали, урод. Хорошо меня услышал?!

Больше Лиза и слова не говорит. Скидывает звонок, а потом вообще блокирует контакт Ильи.

Боже, я настолько в трансе, что у меня даже мысли не возникло занести его в черный список.

– Ты зачем вообще на работу пришла?

– Отвлечься. Не могу одна. Стены давят.

– Это понятно, – постукивает ногтем по столу. – И давно он?

– Не знаю. Но… Лиз. – Облизываю губы, а потом прорывает: – У него ребенок будет. От другой. Пять месяцев, Лиза. Пять!

Подруга матерится. Сочно. Отборно. Резко поднимается со стула и измеряет кабинет шагами. Туда-сюда ходит, сунув руки в карманы широких брюк.

– Козлина. На развод подавать планируешь?

Киваю.

– Правильно. Молодец, – выдает и снова садится напротив. – Я сейчас скажу, ты только не обижайся.

Смотрю на нее.

– Ты, если с ним разведешься, он в лучшем случае оттяпает половину, – обводит руками мой кабинет, – в худшем заберет все.

Стискиваю зубы. Будто я и сама не знаю. Если Илья решит со мной воевать, я точно останусь ни с чем.

– И что делать? – шмыгаю носом.

– Пока не знаю. Нужно подумать. Что-то на тебя записано? Кроме машины.

– Не знаю.

– А он вообще как настроен?

– Клянется, что это один раз было. Но… Она ему «любимый» пишет. Ночью.

– Вот скот. А таким правильным прикидывался. Люблю, весь мир куплю. Светка, ты мое сердце. Тьфу! Так, подруга, собирайся.

– Куда?

– Проветримся. На тебе лица нет. Пошли по набережной пройдемся, подышим. Видела, какая погода сегодня? Солнце!

Не видела. Для меня все вокруг серое. Бесцветное.

Я и с кресла-то поднимаюсь по инерции. Просто потому, что так говорят, якобы так нужно. Кому? Непонятно.

Легче от прогулки мне не станет, но и в офисе сидеть сил больше нет.

Вытаскиваю из шкафа пиджак. Кое-как одеваюсь, потому что энергии нет даже руки поднять.

Лиза все это время стоит рядом, будто страхует, если я вдруг в обморок рухну.

– Идем, – хватает под руку.

Так мы оказываемся на набережной. Весна в самом разгаре. Еще немного, и можно будет в футболках ходить. Раньше я обожала когда на смену холодным зимним месяцам приходят теплые солнечные дни. А сейчас мне все равно.

В душе по-прежнему зима.

Облокачиваюсь на перила и смотрю на водную гладь реки.

Мы молчим. Лиза пьет кофе и больше не задает вопросов.

Проходит минут пятнадцать, а потом у меня снова звонит телефон. На этот раз свекровь. Да, я не поздравила ее с праздником. Она решила мне об этом сообщить?

Сначала хочу сбросить звонок, но в последний момент нажимаю «ответ» и подношу смартфон к уху.

– Света! Илья в больнице. Я приехала, а тебя нет. Говорят, дозвониться не могут. Что ты творишь?

Свекровь кричит. Эмоции у нее через край. А у меня только сердце вздрагивает.

В больнице? Перед глазами сразу вереница долгих дней после аварии, в которой я пострадала. По телу озноб ползет. Так холодно сразу становится.

– В какой больнице?

– В центральной. Боже мой, такое горе, за что мне все это, за что? – Она начинает рыдать. – Он заезжал утром, сказал, что вы разводитесь, Светочка, это правда? На нем лица не было. На моем мальчике. Приезжай, моя девочка. Я умоляю тебя. Ему так твоя поддержка нужна. Света! Он без сознания сейчас. Милая моя…

Стискиваю пальцами телефон до белеющих костяшек. Меня натурально трясет.

В больнице? Авария?

Дышать не могу.

– Что там? – шепчет Лизка.

Мотаю головой.

Тру лицо и запрокидываю голову к небу. Солнце режет глаза.

– Ты приедешь, Света? У меня сердце сейчас лопнет. Все не могу.

– Я…

– Не вздумай, – Лизка дергает меня за руку. – Не смей даже!

Он был со мной рядом, когда я была уверена, что моя жизнь кончена. Он был со мной рядом, клялся в любви, а потом предал. Он не заслуживает моих переживаний, но они есть…

Душа в клочья.

– Хорошо, – проговариваю еле слышно, – я приеду, – отключаюсь.

– Ты дура? – Лиза злится. – Куда ты собралась? Он же… Он… У меня слов приличных нет. Не вздумай туда ехать.

Дышу часто-часто. Пульс зашкаливает.

– А если он… Вдруг что-то серьезное. Вдруг он умрет…

– Туда ему и дорога.

– Лиз, – смотрю на свою машину, припаркованную неподалеку.

– Ой, делай ты что хочешь! Этот урод живучий, сам фиг сдохнет.

Лиза круто разворачивается на пятках и уходит в сторону остановки. Я же остаюсь стоять на месте с мыслью только об одном: что мне делать?

Глава

7

Больничный коридор кажется бесконечным. По нему гуляет громкое эхо, а от стен веет холодом. Я видеть эти стены не могу, слишком много болезненных воспоминаний они несут.

Я приехала сюда после звонка, который подтвердил, что Антипов поступил к ним пару часов назад и действительно находится в тяжелом состоянии.

Выбора, ехать или нет, передо мной больше не стояло.

Только теперь, когда пространство сжимается удавкой вокруг моего горла, я хочу развернуться и убежать в машину. Вернуться туда, где мне спокойно и безопасно. Признать наконец, что я маленькая, слабая женщина и никому ничего не должна. Ничем не обязана. Хочется, но, вопреки этому желанию, еще есть страх. Страх потери. Он куда более глубокий, чем измена.

Страх услышать, что Илья никогда больше не очнется. Наверное, только поэтому я продолжаю идти, только поэтому нахожу в себе силы переставлять ноги.

То, что он сделал, чудовищно. Грязно. Мерзко.

Но смерти он не заслуживает.

Заворачиваю за угол и почти сразу впечатываюсь глазами в свекровь. Она сидит на скамейке со сгорбленной спиной. Держит в руке платок, которым вытирает с лица бесконечные слезы. Такая хрупкая, потерянная, но одновременно сильная женщина.

Она плачет. Захлебывается слезами горечи. Мне мгновенно передается ее состояние. Щеки становятся мокрыми, а почва под ногами – слишком неустойчивой.

– Лилия Константиновна, – присаживаюсь рядом, касаясь ее плеча.

Она обжигает меня взглядом, столько в нем боли и отчаяния. Сквозь землю провалиться хочется.

Может быть, останься я этой ночью в квартире, ничего бы этого не произошло…

– Что врачи говорят? – шепчу, обхватывая ладонями предплечья.

Свекровь поджимает губы, отрешенно качает головой, будто поднять ее больше не в состоянии.

– Черепно-мозговая травма. Он все еще не пришел в себя, Света. Как хорошо, что ты приехала. Я тут с ума одна схожу, – тихонечко всхлипывает.

Киваю и, сцепив пальцы замком, прилипаю спиной к стене. Смотрю перед собой.

Свекровь молчит, но чувствую – смотрит.

– Что у вас произошло? Какой еще развод? Что же вы творите, дети?

– Такой, – пожимаю плечами.

– Девочка моя, вы же так хорошо жили. Что произошло? Такая любовь. Я же насмотреться на вас не могла.

– Жили, – сглатываю и тереблю ремешок сумки. – Пока ваш сын не завел любовницу, – говорю это и чувствую, как во мне поднимается злость. Она кровожадно облизывается. Готовится разорвать свекровь, если та хоть слово скажет о том, что ее сын не виноват.

Но вместо этого Лилия Константиновна вздрагивает, как от удара, и хватается за сердце.

– Боже. Мой Илья? Любовница? Может, ты что-то не так поняла? Может быть… Какой ужас! Это какая-то ошибка, Светочка. Точно ошибка.

– Я поняла все правильно, – устало выдыхаю и прикрываю глаза.

Говорить о ребенке не хочу. Свекровь не знает о моей проблеме, да и шокировать еще и тем, что вскоре у нее будет внук от пока совершенно незнакомой женщины… Имею ли я вообще моральное право о таком сообщать? Это должен ее сын сделать.

Тот, которой придет в себя и обязательно все ей расскажет. Наверное…

– Светочка, не нужно рубить с плеча. Он тебя любит. Я знаю, что любит, – хватает меня за руку. – Вы столько лет вместе. Оступился, понимаю, что больно. Обидно. Но вот так сгоряча… Не время сейчас все рушить, родная. Ты ему нужна. Он же без тебя… Как он без тебя, Свет?

Лилия Константиновна сжимает мои пальцы. Подбадривает. А меня почему-то прорывает. Не могу контролировать злость. Не могу приглушить обиду. Рана слишком свежая, еще кровоточит.

– А когда время? Такое время вообще существует, Лилия Константиновна?

– Не знаю, – качает головой, – но ему сейчас нужна твоя поддержка. Твоя любовь. Он же там, – накрывает рот ладонью, – в трубках весь. Без сознания. Ему там страшно. Я знаю, что ему там страшно и холодно. Моему мальчику…

Она снова начинает плакать, а у меня дыхание перехватывает. Мурашки по телу от ее слов. Зачем она мне все это говорит?

Я испытываю настоящий ужас.

Мне невыносимо даже мысль допускать, что Илья не очнется. Я столько лет его любила. Столько лет считала его своим самым близким человеком…

Это какая-то карма? Его наказание за измену и мое за то, что смогла так легко перечеркнуть все, что между нами было?

Не знаю. Я ничего уже не знаю. Дрожу, плачу и ненавижу себя.

Ненавижу за то, что продолжаю его любить после всего. За то, что случилась эта авария. За то, что передо мной снова стоит выбор – уйти или остаться…

Я все для себя решила. Мне с трудом удалось собрать себя, отодрать от него и шагнуть за порог нашей квартиры. А теперь что? Что теперь?!

Все слишком сложно.

Вытираю слезы, а у самой в голове все мысли о смерти. Гроб, похороны, поминки. О чем я только думаю?

Он очнется. Пойдет на поправку.

Где-то сбоку слышится шум. Поворачиваю голову. Вижу, как к нам приближается врач. Высокий, широкоплечий мужчина в годах.

Лилия Константиновна тут же встает со скамейки. Обхватывает огромную ладонь врача, когда тот останавливается рядом.

– Как он, доктор? Его можно увидеть? С ним все будет хорошо? Скажите… Я мать, я чувствую, что ему плохо.

Она всхлипывает и начинает задыхаться. Врач тут же зовет медсестру, и свекровь куда-то уводят.

– Укол ей поставим, – поясняет для меня доктор. – Вы жена?

– Пока да. Мы разводимся.

– Ясно. Состояние у него стабилизировалось. Скоро должен прийти в себя. Волнение ему пока противопоказано.

– Я понимаю.

– Очень на это надеюсь. Можете зайти в палату.

Киваю. Как только доктор уходит, делаю нерешительный шаг и тяну на себя ручку двери.

Замираю на пороге. Илья лежит на больничной койке. Рядом капельница, какая-то пикающая аппаратура, голова перемотана.

Сглатываю и присаживаюсь на стул у кровати. Робко касаюсь кончиков его пальцев и снова плачу.

***

– Подумай, о чем мы говорили, ладно, Светочка? – свекровь стоит напротив, крепко сжимает в руках платок. После укола ей стало значительно легче, к счастью.

– Ладно, – киваю. – Вы остаетесь?

В сознание Антипов пришел, но, когда это случилось, я пила кофе. Вернуться в палату духу не хватило. Именно поэтому Лилия Константиновна и недовольна, хотя с виду не особо это показывает.

Для меня же главное, что с мужем все в порядке. Черт! Бывшим мужем. Он стабилен, очнулся, и я уверена, что скоро пойдет на поправку. А это значит только одно – делать мне здесь больше нечего.

– Да, не смогу дома одна. Да и как тут Илюша без меня? – продолжает свекровь.

– А Пётр Фёдорович где?

– Завтра вернется. По работе его снова командировали.

Мой свекор – заместитель директора на вагоностроительном заводе. Уже давно на пенсии, но продолжает работать. С Ильей у них, правда, не очень хорошие отношения. Какой-то давний конфликт, который все предпочитают замалчивать.

– Поняла. До свидания, – поджимаю губы и иду в сторону лестницы.

Чувствую прожигающий взгляд свекрови где-то между лопаток и покрываюсь мурашками. Передергивает слегка.

Ухожу не оглядываясь. Звук шуршащих бахил успокаивает, и я снова хватаюсь за те мысли, что посетили в палате.

Пока я сидела рядом с Антиповым, о многом передумала. В какой-то момент так сильно расчувствовалась, что захотелось его обнять. Прижаться к твердой груди. Но я себе не позволила. Вскочила со стула и отошла к окну, подальше от койки.

Пока смотрела на проезжающие мимо машины, осознала, что мне никто так толком и не рассказал, что произошло. Странно это.

А еще не дают покоя звонки Ильи. Получается, он звонил мне прямо перед аварией, буквально за двадцать минут. Потом Лиза заблокировала его контакт.

Свекровь по телефону говорила, что до меня не могут дозвониться. Но кроме, как от нее и Ильи, звонков мне больше не поступало.

Значит, звонок был с мобильного Ильи?

Разве врачи или полиция так делают? Ищут родственников в записной книжке пострадавшего?

Что-то не складывается…

Хотя, возможно, я просто себя накручиваю. Нервы. Да и недоверие теперь зашкаливает. Илья, как выяснилось, не самый лучший мужчина, но докатиться до того, чтобы состряпать подставную аварию и попадание в больницу, он не мог. Это же за гранью.

Спускаюсь на первый этаж. Там же прямо на ходу снимаю с себя халат и кладу на первую попавшуюся лавочку.

– Вы не понимаете, я должна к нему попасть!

Эхо громких голосов застает врасплох. Тело реагирует мгновенно, я покрываюсь липким потом, прирастая к полу.

– Девушка, не родственников не пускаем! Сколько я вам еще буду это повторять?

Обернуться страшно. Вдруг это она? Что, если это она?

– Ну пожалуйста. Женщина, миленькая, мне очень нужно его увидеть.

– Вы глухая? Я вам уже все сказала – Антипов в сознании, с ним все нормально. Идите домой.

– Он отец моего ребенка, да, мы не расписаны, но…

Мир рушится на части в этот момент. Она пришла к нему, зная, что здесь могу быть я. Не постеснялась открыто заявить, что у них будет общий ребенок…

Запахиваю пиджак. Хочется поскорее отсюда уйти. Согреться хочется, потому что пальцев рук и ног я уже не чувствую. Нервное онемение.

Делаю шаг в сторону двери. Именно в этот момент она поворачивается. Ловит меня взглядом и захлопывает рот. На вид ей лет двадцать, не больше. В глазах неподдельный ужас.

– Светлана? – произносит мое имя с запинкой и переминается с ноги на ногу.

То есть она в лицо меня знает. Прекрасно!

– Допустим, а вы? – пристально ее рассматриваю, наверное, даже надменно.

Кажется, оцениваю. Она моложе. Совсем девочка. Красивая. Но разве могло быть иначе?

– Надя, – всхлипывает и прижимает ладони к груди. На лице отпечатки потекшей туши, глаза красные, а губы дрожат.

– Я чем-то могу вам помочь? Не думаю, что мы знакомы.

Внутри скребет то самое чувство, когда ты понимаешь, что один из твоих страхов воплотился наяву. Мой точно сейчас передо мной. Она. Его любовница, с наметившимся животом.

Один из ночных кошмаров – он и она с ребенком. В парке. Веселые. Счастливые.

– Вы меня не знаете. Точнее… Понимаете, мы с Ильей, он и я… – Она всхлипывает и давит пальцами на виски. – Меня к нему не пускают. Говорят, что если не родственница, то нельзя.

– Сожалею, Надя. Такие правила, – безразлично пожимаю плечами.

Это какой-то сюр. Самый настоящий.

– Скажите, с ним все хорошо?

– Живее всех живых.

Рассматриваю ее как какую-то зверушку. Хотя она такая и есть. Мелкая, назойливая, раздражающая. Она либо слишком наивная и тупая, либо беспардонно наглая.

Опускаю взгляд ниже. Под длинным пальто, что на ней надето, живот не особо видно, но некий выступ уже отлично сформировался.

Вот эта молоденькая девчонка спала с моим мужем, или он с ней. Понятия не имею, как тут будет правильно. Как ни назови – все одно дерьмо.

С резким смешком накрываю лицо руками и перекатываюсь с пяток на мыски. Уж если и рвать себе душу, то до конца.

– Тебе сколько лет, Надя?

– Девятнадцать.

– Мама не учила, что спать с чужими мужьями не самая хорошая идея?

Девчонка вздрагивает и выпучивает на меня свои глазищи. Серые, обрамленные длинными наращенными ресницами.

– Я… мы… простите.

Честно, час назад я и представить не могла, что вот так спокойно буду беседовать с любовницей своего мужа. Но эта поездка в больницу все нервы вымотала. Я полностью пуста, и сил на скандалы у меня нет.

– Поймите меня правильно, – начинает довольно смело, но, столкнувшись со мной глазами, тухнет и переходит на шепот: – Я очень люблю Илью. Я жить без него не могу. Он же… он… У нас малыш будет! – делает резкий шаг вперед.

Довольно агрессивный выпад, но смотрит все равно затравленной мышью.

– Избавь меня, пожалуйста, от подробностей. Я больше не имею к нему никакого отношения.

– Вы… Вы его бросили? – еще сильнее выпучивает глаза. Ну что за дура?

Это просто абсурд какой-то. Не хочу больше ее ни слышать, ни видеть.

– Чего ты от меня хотела?

– Ничего. Простите.

Надя отступает, тигрицей обхватывает свое пузо и поворачивается ко мне спиной. Снова начинает приставать к тетке, которая ее отшила.

Абсурд. Просто какой-то сумасшедший дом.

В голове такой кавардак. Уверена, я еще об этом пожалею, но слова слетают с губ быстрее, чем я принимаю окончательное решение.

– Хочешь попасть к нему, Надя?

– Что?

Она снова на меня таращится.

– Я тебя проведу, – ухмыляюсь. Внутри такой азарт просыпается, особенно если учесть тот факт, что там внутри моя свекровь, которая так яро убеждала меня, что нет никакой измены. А я просто все не так поняла.

– Наверх по лестнице. Палата двести сорок три. Чего стоишь? Иди. Я за тобой.

Надя часто кивает, сыплет какими-то глупыми благодарностями и бежит к лестнице. Иду следом.

В палату, к счастью заходить не приходится. Свекровь все еще в коридоре. Говорит с кем-то по телефону. Улыбаюсь, когда сталкиваюсь с ней глазами. Киваю на Надю и ухожу.

Сердце стучит в груди запредельно громко. Кровь еще обогащена адреналином, поэтому я не плачу. Даже не захожусь в истошном крике и не падаю на землю.

Я просто иду к своей машине с выпрямленной спиной.

Вытаскиваю брелок и выключаю сигнализацию. Сажусь за руль. Руки трясутся. Как я в таком состоянии поеду? Не хочется оказаться с Антиповым в соседних палатах.

Даю себе пару минут, чтобы отдышаться, а когда не помогает, звоню Лизе.

Она забирает меня минут через двадцать. За это время я успеваю увидеть вылетевшую из здания больницы заплаканную Надю. Похоже, встреча с будущей свекровью не удалась.

Мое задетое самолюбие это, конечно, тешит. Улыбаюсь, постукиваю пальцами по рулю.

Лизка приезжает на такси, и мы быстро меняемся с ней местами. Сажусь на пассажирское.

Первые минут десять мы едем молча. Я ничего не рассказываю, подруга не спрашивает. На светофоре, горящем красным, Лизку все же прорывает.

– Слушай, ты прости меня. Я днем психанула, просто не могу тебя такой видеть. Задушила бы гада своими руками.

– Понимаю, Лиз. Я бы себя точно так же вела.

– Моя любовь. – Лиза чмокает губами воздух и притормаживает на перекрестке. – Ну и что там?

– Жив. Ты была права, – качаю головой, – не стоило ехать.

– Чего уж теперь. Лиля что говорит?

– Что ее сын не мог мне изменить.

– Пфф. Ну она со своим сыночкой-корзиночкой всегда носилась. Неудивительно.

– Но я отправила к ней доказательство того, что он мог.

– В плане?

– Не поверишь, я познакомилась с Надей.

– Это его баба? Серьезно? Она туда приперлась? И чего? Как?

– Девчонка девятнадцатилетняя.

– Ну, Антипов, конечно, дает.

– Судя по всему, всем подряд, – вымученно улыбаюсь, а Лизка смеется.

– У тебя? Вибрирует что-то, не слышишь?

Сую руку в сумку и достаю телефон. Мой. Поворачиваю к Лизке экраном.

– А вот и Лилия, – подруга ухмыляется, – видимо, встреча ее не особо парадовала.

– Наверное. Но, ты знаешь, – прибавляю звук, и музыка, звучащая по радио, становится громче, – я не слышу. Мы с тобой катаемся по городу и горланим песни.

– Как в старые добрые, – Лизка перещелкивает станцию и начинает подпевать.

Тут же подключаюсь. Мы орем невпопад. Смеемся и открываем окна.

Ветер обдувает лицо, и я впервые за последние сутки чувствую себя немножечко счастливой. Совсем каплю, но ее хватает, чтобы надрывать связки и улыбаться.

Я буду свободной. Я разлюблю. Я справлюсь!

– Может, у нас останешься? – Подруга паркуется у супермаркета. – Чего тебе в отеле одной сидеть? Забирай чемоданы и заселяйся к нам, пока не найдешь квартиру. Заодно мой Деня по разводу проконсультирует.

– Он следователь, – сползаю в кресле чуть пониже.

– Ну, значит, просто напьемся.

– Я пас, – качаю головой, – мне нужен трезвый разум. Но, если ты завтра со мной съездишь подать заявление, я тебя расцелую.

– Не вопрос. Тогда давай что-нибудь на ужин купим, потом в отель заскочим за твоими шмотками и к нам.

– Договорились.

Из машины вылезаем почти синхронно. Лизка трещит без умолку. Я особо не слушаю, потому что начинаю медленно проваливаться в свои мысли. Обида накрывает бетонной плитой. Как он мог? Разве у нас что-то было не так?

Неужели дело в возрасте? Это же глупо. Не в том мы возрасте. Хотя…

– Светка, – Лиза толкает меня локтем в бок, – смотри.

Прослеживаю ее взгляд.

– Давай купим торт и сожрем его. Весь. Сегодня. Прямо, – смотрит на часы, – в десять вечера!

– Давай. Зря что ли в зале пашу?

– И я о том, – произносит нараспев.

Так в нашу тележку попадает не только торт, еще шоколад, ведро мороженого и коробка бейглов.

Остаток вечера мы сидим на кухне в компании Лизиного мужа, его забавных и не очень историй с работы. Много смеемся, вспоминаем студенческие годы и ни разу не упоминаем Илью. Хотя дается это с трудом. Он десять лет был неотъемлемой частью моей жизни. Его присутствие в каждом вздохе, взгляде, каждой мысли.

Спать я ложусь около двух ночи. Долго ворочаюсь.

Перед глазами эта Надя и ее живот.

Трогаю свой. Закрываю глаза и плачу. Почему мой муж так жесток? Почему я этого не замечала?

Может быть, не стоило последние три года так сильно нырять в работу? Может быть, причина в этом? Я отдалилась от него…

Всхлипываю накрывая лицо подушкой, а утром, как только просыпаются ребята, прошу Дениса выяснить подробности той аварии в которую попал Илья.

Не дает она мне покоя.

Глава

8

Илья

– Проследи, Дим, – смотрю в окно. Машина жены все еще припаркована у здания больницы.

Миллион дам, что ко мне в палату она больше не зайдет. Моя гордая девочка.

Не переживай, родная. Мы с этим справимся. Ты это переживешь и обязательно простишь. По-другому у нас быть просто не может.

– Хорошо. Еще какие-то указания будут?

– Отзвонись потом, и можешь на боковую.

– Понял.

Морщусь от звука хлопнувшей двери. Мутит. Док вколол убойную дозу снотворного, глаза до сих пор слипаются.

Смотрю в зеркало на себя. Красавчик. Башка перемотана, но даже из-под повязки виднеется синяк на лбу.

Неслабо приложился о руль. Психанул после того, как Лизка хапнула Светкин телефон, отвлекся, тачку повело. Не успел затормозить. Сшиб несколько столбов у переезда.

Отделался по-легкому, пара синяков. Уже в процессе понял, что грех будет не воспользоваться ситуацией. В моем случае любые методы хороши.

Сам вызвал гайцов, они уже подтянули скорую и оформили все красиво. Привезли в больничку. Здесь уже переговорил с доком. Попросил позвонить жене. Знал, что она приедет. Не проигнорирует. Моя Света не такая. В ней человечности на десяток таких, как я, хватит.

– Илья, ты зачем встал? – мать заглядывает в палату.

Ее сразу предупредили, что все происходящее здесь – фарс.

– Нормально со мной все, – возвращаюсь на кровать. – Света где?

– Ушла твоя Света.

– Ты с ней говорила?

– Говорила, – снова ворчит, – и на жалость давила, и даже приступ сымитировала. Ей хоть бы хны. Сильно ты ее обидел, сынок. Не простит она. Света гордая.

– Завязывай, ма. Спасибо, что подыграла.

– Приворожила она тебя, что ли? – закатывает глаза и отходит к окну. – Столько лет на вас смотрю и понять не могу, откуда эта чертовщина в глазах.

– Перестань. Воды лучше подай.

Мама вздыхает и протягивает мне бутылку. Ее лицо преображается, от недовольства там и следа не остается. Зато мгновенно приобретает озабоченный вид.

– Что тебе вкололи? Ты столько спал. Это не опасно для здоровья?

– Обычное снотворное. Позвони завтра ей снова. Скажи, что мне стало хуже.

– Она разводиться хочет.

– Перехочет, – сминаю бутылку.

Злюсь. Как бык на красную тряпку уже на это слово реагирую.

Думать об этом не хочу.

Светка вспыльчивая, но отходит быстро. Время на моей стороне.

Не могу я ее потерять. Не представляю просто, как вообще без нее буду. Десять лет вместе. Неужели она готова все перечеркнуть? Оступился. Осознаю. Но не мы первые, миллионы так живут. Какой развод? Что она придумала? Правда верит в то, что я ее отпущу? Никогда.

Я ее полгода добивался. Как приклеенный к ней ходил. Увидел первый раз и пропал. Она из тех женщин, что из головы не выходят. К таким тянешься, на колени перед ними становишься. Жизнь к ногам кладешь. Дышишь только для того, чтобы она улыбалась. Чтобы жила как королева. Я для нее на все готов. И тогда, и сейчас.

Ни одна интрижка, ни одна левая баба никогда ничего не значила. Обычная механика. Разрядка. Желание новых ощущений. Все они пустое.

Сердце только ей принадлежит. Всегда.

– Ты бы подумал о том, что я советовала, – мать снова заводит свою шарманку. – На одной жалости далеко не уедешь, сынок. Ну пожалеет она тебя сейчас, а дальше что? Она слишком независимая. Я тебе говорила, что аукнется тебе еще этот ее бизнес.

Тут мать, конечно, права, после того как Светкин бренд пошел в гору, она сильно изменилась. Постоянно торчит в офисе со своими рисунками и лохмотьями.

Встает рано, спать ложится поздно. Вечно куда-то спешит и опаздывает.

Это было моей глобальной ошибкой – вложиться в ее задумку. Но разве ей вообще можно хоть в чем-то отказать?

Был уверен, что поиграется и бросит. Не учел, что моя девочка упертая, до последнего биться будет. С разводом тоже, но для победы одного упорства и желания мало.

Я ведь не хотел ничего сверхъестественного, просто приходить домой после работы и видеть перед собой красивую, а лучше – всегда голую жену. Хотел, чтобы она все свои силы вкладывала в нас. В дом. В уют. А не в свои тряпки и детей.

Мне от нее никогда не нужно было никаких спиногрызов, потому что они отвлекают. Потому что женщина сразу переключает все свое внимание на мелкий орущий комок и становится наседкой.

Моя Света другая. Я ее видел и вижу другой.

Все ее внимание должно быть моим. Она вся, от макушки до кончиков пальчиков, моя. Ее у меня никто и никогда не отберет. Не позволю. Уничтожу любого, кто хотя бы на нее посмотрит. А глазастых за все время, что мы вместе, было немало. Только где они сейчас? Может быть, кормят рыб?

– Свяжи ее материально по рукам и ногам, так, чтобы выхода у нее не было! – агрессивно выпаливает мать.

От такого выпада становится смешно. Никогда не видел ее на таком негативном эмоциональном подъеме.

– А потом? – улыбаюсь.

– А потом стерпится, простится и слюбится. Поверь мне. Я давно на этом свете живу. А еще очень хочу, чтобы ты был счастлив. Папа звонит, – хватается за телефон, – я отвечу.

Киваю, и мама выходит из палаты.

Принимаю горизонтальное положение, гоняя мысли по черепной коробке.

Из коридора доносится стук каблуков. Открывается дверь в палату. В проеме появляется блондинистая голова. Надька хнычет. Переступает порог. Вся заплаканная.

Увидев, что я в сознании, тут же бросается к койке. Обнимает за шею.

Мать появляется в палате следом. Раздраженная. Смотрит на все это, сложив руки на груди.

– Илья, я так переживала. Ты жив. Все хорошо? Где болит? – лепечет Белова.

Мама приподнимает брови.

– Выйди, мам. А лучше езжай домой.

Мать кивает и уходит.

Отлепляю от себя Надю.

– Ты как сюда попала?

– Меня твоя жена провела, – довольно улыбается, – она подает на развод. Мы теперь точно можем быть вместе. Она сама так решила. А мы… Мы теперь будем счастливы.

– Я еще раз спрашиваю, как ты сюда попала? – встряхиваю ее за плечи. – Кто сказал, где я? Снова твоя подружка?

Если бы не та врачиха, что оказалась сестрой Рябининой, Света бы никогда не узнала о том, что Надька залетела.

Ну, той козе у меня еще будет ответочка.

– Илья, я… Почему ты на меня кричишь?

– Я позволял тебе приходить, общаться с женой своей, позволял?! – ору на всю палату. Нервы ни к черту.

Тупая курица.

– Я же… Я переживала, – булькает едва слышно и делает шаг назад.

– Я не просил за меня переживать. Вали на квартиру. Я сам тебя найду, когда будешь нужна.

– За что ты так со мной?

– Ты плохо слышишь?

– Я ношу под сердцем твоего ребенка, – воет, хватаясь за живот.

– Только это, – подаюсь вперед и сжимаю пальцами ее подбородок, – тебя и спасает. Вон пошла отсюда.

Надя давится слезами, но уходит.

Она вообще послушная, что, конечно, не может не нравиться. Я уже очень давно перекидываю рабочие отношения на личную жизнь. Мне просто необходима вот эта слепая покорность. Блеск опасения в глазах оппонента. Света, конечно, не может мне этого дать, да я и не хочу, чтобы она меня боялась.

Она должна радоваться. Улыбаться. Но не плакать. Никогда.

Только нутро все равно берет свое.

Я помню месяцы, когда впервые осознал, чего на самом деле хочу. Покорности, разврата, грязи. Того, что ни один нормальный мужик не потащит в семью. Не спросит с жены.

Меня ломало. Я намеренно избегал Свету, чтобы не сорваться и не извалять ее в грязи своей дикой похоти.

Света в этом плане неприкосновенна. Ее хочется на руках носить, оберегать…

Белова же, совсем другое дело. Ее покорная натура заходит настолько, что раз за разом хочется ставить ее на колени. Осязать ее легкий страх. Давать свободу своим демонам.

Единственное, что теперь напрягает – Надины фантазии о любви. Она с чего-то решила, что раз у нас будет ребенок, я брошу свою жену.

Святая наивность.

Света – это абсолютно другое. Неподдельный оригинал женщины. Надя – обычный суррогат.

Само собой, Надьке выгодны эти отношения независимо от формата. Девка из семьи алкоголиков. До встречи со мной жила в общаге Медакадемии. Красивая и нищая. Поэтому и благодарная. Во всех смыслах.

Это приятное чувство, когда тебе заглядывают в рот и пищат от восторга. Когда ты можешь делать с человеком все что захочешь, а он будет продолжать тебе покорно улыбаться.

Надя любит мои деньги, любит свою новую жизнь, которую явно не хочет потерять, любит подчиняться, а я люблю то чувство вседозволенности, что появляется, когда она рядом. Это прекрасные, взаимовыгодные отношения.

Я заметил ее в баре, Света и правда в ту ночь улетала в Питер.

Таких, как Надя, просчитываешь сразу. Я и не ошибся.

Милая, провинциальная, нетронутая девочка, ищущая хорошей жизни. Старательно стремящаяся найти замену своим маргинальным родителям. Она нуждалась в крепком плече. И я ей его дал. Взамен получил все, чего мне не хватало.

Правда, сам себя поймал, когда она залетела. Пару раз не предохранялись. О том, что она беременна, узнал только на четвертом месяце. Она сама сказала, так бы я и не заметил. Никогда не интересовался, что у нее там происходит.

Сначала хотел отправить на аборт, а потом Миша, мой старый дружок, посоветовал посмотреть на ситуацию под другим углом. Я и посмотрел. Ребенок, в конце концов, рано или поздно мне будет нужен. В итоге, потащил ее на амниоцентез*. Нужно было удостовериться, что ребенок мой. Хоть она и клялась, что кроме меня у нее никого и никогда не было.

Света чисто физически выносить его не сможет, да и не хочу я превращать ее в дерганую бабу с младенцем на груди. Просто не представляю ее матерью. Она женщина-богиня, а не инкубатор.

Зато Белова – отличный вариант, она всегда будет делать все, что я скажу.

И вроде же давал понять, чтобы не отсвечивала. Каког черта полезла к Света? Видимо дурость для Нади превыше. Что ж, пусть теперь огребает, раз молодость берет свое.

Жену я не брошу. Я лучше сдохну, чем буду жить без нее.

– Так это правда, Илья?

Мать возвращается в палату. Бледная.

– Она же беременна. Света все знает, это она ее сюда привела.

– Я в курсе уже. Ты чего от меня хочешь? Пришла читать нотации? Опоздала лет на пятнадцать.

– Сынок, я просто беспокоюсь за тебя.

– Вот этого не нужно. Езжай домой. Дня через три я отсюда выпишусь. Не забудь позвонить утром Свете.

– Да. Да, конечно, дорогой. Спокойной тебе ночи.

Киваю.

Мать закрывает за собой дверь, снова оставляя меня один на один с мыслями.

Дима звонит в одиннадцать, сообщает, что Света перевезла свои чемоданы из отеля к Лизке. Это плохо. Там ее точно поддержат в решении развестись.

Но есть кое-что еще. Лизкин муж. Следак. Кажется, из Ленинского.

Листаю контакты и, отыскав нужный номер, нажимаю вызов.

– Станислав Николаевич? Это Антипов, помните меня?

– Илья Петрович? Доброй ночи.

– Доброй. Вы простите за поздний звонок, но у меня к вам дело будет. Подскажите, следователь Денис Михеев у вас в отделе работает?

– У меня.

– Товарищ подполковник, просьба будет. Личного характера.

– Слушаю.

– Вы отправьте его на недельку в командировочку.

– Когда?

– Лучше еще вчера.

– Вы же понимаете, у нас кадровый голод, каждый следователь…

– Понимаю. Но в долгу не останусь. Вы всегда можете рассчитывать не только на мою помощь, но и на помощь моего клиента. – Вслух про Снегура не говорю, но подполкан сам все прекрасно понимает.

– Понял. К шести утра Михеева в городе не будет.

– Спасибо. Всегда рад буду вам помочь.

Отключаюсь.

Продажный мент – он и в Африке такой.

Следом «набираю» Сардалова, владельца Молла на Купеческой.

– Илья, здравствуй, брат!

– Доброй ночи, дорогой. Аслан, у меня к тебе просьба.

– Говори дорогой, все решим.

– Тут такое дело, с женой проблемы. Помощь твоя нужна.

– Светланка твоя – *вах* женщина , какие с ней могут быть проблемы? Что нужно? Все сделаем. Все решим, брат!

– Аслан, я думаю нужно повысить цену на арендованные нами у тебя площади. Очень надо.Света, естественно, не должна быть в курсе, что это моя просьба.

– Обижаешь. Сделаем. Больше ни меньше, – смеется.

– Должен буду.

– Решил все-таки, что бизнес не женское дело? А я тебе говорил.

– Все говорили, брат. Да кого б я слушал…

– Поздно в этом деле не бывает. Светланке бы детей рожать, а не ерундой заниматься.

– Так, а я о чем?! Значит, могу на тебя рассчитывать?

– Утром дам распоряжение администрации.

– Спасибо, Аслан. В долгу не останусь.

– Сочтемся. Ты мне скажи, Снегур в городе сейчас?

– На Маврикии. Будет к концу следующей недели.

– Маякнешь, как появится? Дело у меня к нему есть.

– Нет проблем.

– Услышал.

Ничего, Света, я нас спасу. Сам это дерьмо заварил, сам и разгребу. Ты, главное, не руби сплеча, любимая. Все у нас будет хорошо.

Всегда же вместе. Столько прошли. И это переживем. Ты для меня одна на всю жизнь. * **Амниоцентез** – для теста проводят забор *околоплодных вод* в период с 14 до 20 недель. Тест на отцовство во время протекания беременности.

Глава
9

Света

– А Деня где? – выхожу из душа, отжимая волосы полотенцем. – Уехал уже, что ли?

Спала я плохо, поэтому проснулась рано. Ребята так вообще в половине шестого засуетились. Дене позвонил начальник и выслал в область почти на всю неделю.

– Ага. К девяти нужно на вокзале быть.

– И часто у вас такое?

– Да бывает. Если что где случается, Деней, как самым безотказным, все дырки затыкают. Сама знаешь, как он к работе относится.

Знаю. Михеев очень правильный и честный парень, поэтому ни в звании, ни в должности его повышать не спешат. Зато все висяки ему подсовывают, потому что в восьмидесяти процентов случаев он докопается до истины.

– Что у вас с ипотекой? – сажусь за стол и придвигаю к себе любезно налитый Лизой для меня чай.

– А что у нас? Ничего не меняется. Платим, и черт знает, когда выплатим. На тридцать лет влезли.

– Хорошая квартира, – хвалю искренне.

Лиза с Деней живут в хорошем, но еще только развивающемся районе. Обычный человейник, усыпанный высотками, но ценник на жилье тут приличный.

– Я, вообще, к чему, – потираю пальцами бочок чашки, – мы с тобой говорили о том, чтобы вытащить немного денег…

– Не заморачивайся, – Лизка отмахивается.

А я вот чувствую себя ужасно перед ней. Это же моя была идея – дернуть денег из бизнеса, чтобы помочь ей закрыть ипотеку. До недавнего времени для меня это не было проблемой. Она бы отдавала потихоньку, без процентов. Но теперь все изменилось.

– Прости, что обнадежила.

– Да я не понимаю, что ли? Сейчас тебе главное – вообще все не потерять.

– Ты думаешь, Илья будет пакостить?

До сих пор никак не могу свыкнуться, что теперь мы с Антиповым по разные стороны. Он хочет вернуть меня любыми путями, а я ими же хочу уйти.

– Не знаю, – Лизка жмет плечами.

– Он в больнице, поэтому пока ему точно не до этого.

– Я только знаешь чего понять не могу, – подруга распечатывает коробку розового зефира, – зачем ему от нее ребенок? Ты несколько лет так горела желанием стать мамой, варианты всякие искала, а он…

– Не знаю. Может быть, поздно узнал, что аборт не сделать? Или он просто полюбил ее больше, чем меня когда-то.

Каждое слово дается с трудом.

Произносить вслух то, что твой муж, человек, который был для тебя всем, полюбил другую, очень тяжело. Но я говорю это. Больше, наверное, даже для себя. Пора быть с собой честной.

– Может, она сама подсуетилась? – гадает Лиза.

– Может, и так. Он сказал, что она его шантажировала, мол, если бросит ее и ребенка, она все расскажет мне про их связь.

– Прости, конечно, но твой Илюша танком бы по ней проехался. Не дал бы он ей столько свободы. Как по мне, она и в больницу-то прибежала, потому что уверена была, что он в отключке. Она его боится, – Лиза поджимает губы, а потом выдает: – Его все боятся.

Мурашки по коже от ее слов и взгляда. Так она смотрит, будто лично сталкивалась…

– Ты сейчас о чем?

– Деня говорит, что Илья давно перешел черту, Свет. Я никогда не лезла, это не мое дело, но ты и сама же чувствуешь, как он изменился. Не спорю, вокруг тебя он бегает, как с хрустальной с тобой носится, но к остальным у него такое отношение, будто они грязь под ногтями. Мусор.

Дышу через раз.

Я в курсе, что Илья не ангел. Прекрасно знаю, что его стремительный карьерный рост не на ровном месте начался. Он берется за дела, от которых многие сознательно отказываются. Вытаскивает из оборота правосудия людей, которые не должны выходить сухими из воды…

Я живу с этим вот уже третий год. Может быть, именно от осознания, что мы катимся в какую-то бездну, Илья катится, я и погрязла в работе? Абстрагировалась.

Не знаю. Все это сложно.

– Снегур дал Антипову слишком много свободы. Это не мои слова, если что, Дени.

Молчу. Что мне ей ответить? Защищать его у меня больше язык не повернется, не после всего, что Антипов натворил. А Снегура я вообще ни разу в жизни не видела. Илья никогда не показывал мне тот мир, в котором варится. Всегда ограждал.

Я помню, когда мы с Ильей только начали жить вместе – он искренне хотел вытянуть нас из условной нищеты. Хотел стать большим человеком, хотел карьеру и никогда не останавливался в этом деле лишь на словах.

Я поддерживала, меня и саму зажигало то, как у него глаза горят.

Его первое дело было почти нереально выиграть. Он отстаивал в суде мужчину, тогда еще как государственный адвокат. Денег у его клиента не было от слова совсем. Жена погибла, ее сбил на пешеходном переходе сын директора местного комбината. Естественно, пьяный. Денег у семьи было немерено, но Илья смог восстановить правосудие. Так радовался, у него было много таких дел, где он радел за справедливость.

Он сутками работал, но зарабатывал копейки.

Я отчетливо помню вечер, когда к нам домой пришел мужчина. Весь в черном. Он специально приехал из другой области, чтобы Илья выступил на стороне защиты. Наверное, с того дня все пошло не так, как мы мечтали.

Буквально через три месяца Антипов сказал, что ему сделали предложение, от которого нельзя отказываться. Так в нашей жизни появился Снегур…

Конечно, я замечала, что муж меняется. Он словно стал старше. Более расчетливый, резкий, невероятно уверенный в себе.

На наши отношения это не влияло. Я работала над своей первой коллекцией, мне часов в сутках не хватало, нужно было столько всего успеть. Мать твердила мне, что я забросила семью, что муж от меня уйдет, но Илья ни разу не выразил ни единой претензии. Наоборот, только поддерживал и подбадривал.

Боже, зачем я все это вспоминаю?

Он меня предал. Не важно, каким хорошим и любящим мужем он был. Ничего из этого теперь не важно.

Он изменил. От него беременна другая женщина.

Ангелом он не был. Я прекрасно осознавала, с кем живу, меня устраивало. Получается, я тоже плохой человек? Может быть, мы куда более одинаковые, чем я думаю?

Возможно, в теории я бы и могла простить. Может быть…

Но в голове сидят его слова о *ее* ребенке.

– Родная, это ничего не значит. Ее беременность. Как только она родит, я сделаю все, чтобы этой женщины в нашей жизни больше никогда не было.

– Что? Мы себя слышишь? У тебя будет ребенок от другой женщины!

– Это будет наш ребенок. Твой и мой. Как ты и хотела.

Как у него только язык повернулся предложить мне такое? После всех моих слез и истерик, после его же слов, что нам будет прекрасно и без детей?! Как?

Смахиваю слезу, чувствую, как Лиза крепко сжала мои пальцы.

– Все будет хорошо, Светик, я уверена.

Всхлипываю. Улыбаюсь.

Она права. Я справлюсь.

Часто киваю, а у Лизы звонит телефон.

– Да. Что? Она рядом, да. Может, сел. Что случилось?

Лизка прищуривается и слушает все, что ей говорят. Приоткрывает рот.

По телу сразу бегут мурашки. Такое нехорошее предчувствие.

– Я поняла. Да.

– Что там?

– Звонила наш бухгалтер, сказала, что молл разрывает с нами старый договор на аренду. Вот, – показывает сообщение с новым договором.

Цена на аренду просто космическая.

– В смысле? – поднимаюсь со стула и бегу в комнату, где мне постелили. Вытаскиваю из сумки телефон. Включаю и сразу звоню напрямую Аслану. Илья познакомил нас два года назад, когда я только мечтала открыть магазин.

Долго слушаю гудки, прежде чем он мне отвечает.

– Здравствуй, Света.

– Здравствуй, Аслан. Прости, что беспокою, но, кажется, произошла какая-то ошибка. Мне только что позвонили, говорят, что молл повышает аренду на наши площади.

– Все верно, Света.

– Но у нас договор!

– Ты же знаешь, что цена вашей аренды была символической. Илья – мой друг, я сделал ему большой подарок, но в последнее время наши с ним интересы разошлись… Я хорошо к тебе отношусь, но это бизнес, Свет. Придется платить как все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.